

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Шабарша

Ай потешить вас сказочкой? А сказочка чудесная: есть в ней дива дивные, чуда чудные, а батрак Шабарша из плутов плут: уж как взялся за гуж, так нэча сказать – на всё дюж! Пошёл Шабарша по батракам жить да година настала лихая: ни хлеба никакого, ни овощей не родилось. Вот и думает думу хозяин, думу глубокую: как разогнать злую кручину, чем жить-поживать, откуда деньги брать?

– Эх, не тужи, хозяин! – говорит ему Шабарша. – Был бы день – хлеб да деньги будут!

И пошёл Шабарша на мельничну плотину. «Авось, – думает, – рыбки поймаю; продам – ан вот и деньги! Эге, да верёвочки-то нет на удочку... Постой, сейчас совью». Выпросил у мельника горсть пеньки, сел на бережку и ну вить уду.

□Вил-вил, а из воды прыг на берег мальчик в чёрной курточке да в красной шапочке.

– Дядюшка! Что ты здесь поделываешь? – спросил он.

– А вот верёвку вью.

– Зачем?

– Да хочу пруд вычищать да вас, чертей, из воды таскать.

– Э, нет! Погоди маленько; я пойду скажу дедушке.

Чертёнок нырнул вглубь, а Шабарша принялся снова за работу.

– Погоди, – думает, – сыграю я с вами, окаянными, штуку, принесёте вы мне и злата и сёребра.

И начал Шабарша копать яму, выкопал и наставил на неё свою шапку с вырезанной верхушкой.

– Шабарша, а Шабарша! Дедушка говорит, чтобы я с тобой сторговался. Что возьмёшь, чтобы нас из воды не таскать?

– Да вот эту шапочку насыпьте полную золота и сѐребра.

□Нырнул чертѐнок в воду; воротился назад:

– Дедушка говорит, чтобы я с тобой сперва поборолся.

– О, да где ж тебе, молокососу, со мною бороться! Да ты не сладишь с моим средним братом Мишкой.

– А где твой Мишка?

– А вон, смотри, отдыхает в яру под кустиком.

– Как же мне его вызвать?

– А ты подойди да ударь его по боку; так он и сам встанет.

Пошёл чертѐнок в яр, нашёл медведя и хватил его дубинкой по боку. Поднялся Мишка на дыбки, скрутил чертѐнка так, что у него все кости затрещали. Насилу вырвался из медвежьих лап, прибежал к водяному старику.

– Ну, дедушка, – сказывает он в испуге, – у Шабарши есть средний брат Мишка, схватился было со мною бороться – ажно косточки у меня затрещали! Что ж было бы, если б сам-то Шабарша стал бороться!

– Гм! Ступай, попробуй побегать с Шабаршой взапуски; кто кого обгонит?

□И вот мальчик в красной шапочке опять подле Шабарши; передал ему дедушкины речи, а тот ему в ответ:

– Да куда тебе со мной взапуски бегать! Мой маленький брат Заинька – и тот тебя далеко за собой оставит!

– А где твой брат Заинька?

– Да вон – в травке лёг, отдохнуть захотел. Подойди к нему

поближе да тронь за ушко – вот он и побежит с тобою!

Побежал чертёнок к Заиньке, тронул его за ушко; заяц так и прыснул, чертёнок было вслед за ним!

– Постой, постой, Заинька, дай с тобой поравняться... Эх, ушёл!

– Ну, дедушка, – говорит водяному, – я было бросился резво бежать. Куды! И поравняться не дал, а то ещё не сам Шабарша, а меньшей его брат бегал!

– Гм! – проворчал старик, нахмутив брови. – Ступай к Шабарше и попробуйте: кто сильнее свистнет?

– Шабарша, а Шабарша! Дедушка велел попробовать: кто из нас крепче свистнет?

– Ну, свисти ты прежде.

Свистнул чертёнок, да так громко, что Шабарша насили на ногах устоял, а с дерев так листья и посыпались.

– Хорошо свистишь, – говорит Шабарша, – а всё не по-моему! Как я свистну – тебе на ногах не устоять, и уши твои не вынесут... Ложись ничком наземь да затыкай уши пальцами.

Лёг чертёнок ничком на землю и заткнул уши пальцами; Шабарша взял дубину да со всего размаху как хватит его по шее, а сам фю-фю-фю!.. посвистывает.

– Ох, дедушка, дедушка! Да как же здорово свистнул Шабарша – ажно у меня искры из глаз посыпались; еле-еле с земли поднялся, а на шее да на пояснице, кажись, все косточки поломались!

– Ого! Не силен, знать, ты, бесёнок! Пойди-тка, возьми там, в тростнике, мою железную дубинку, да попробуйте: кто из вас выше вскинет её на воздух?

□Взял чертёнок дубинку, взвалил её на плечо и пошёл к Шабарше.

– Ну, Шабарша, дедушка велел в последний раз попробовать: кто из нас выше вскинет на воздух эту дубинку?

– Ну, кидай ты прежде, а я посмотрю.

Вскинул чертёнок дубинку – высоко-высоко полетела она, словно точка в вышине чернеет! Насилу дождались, пока на землю упала... Взял Шабарша дубинку – тяжела! Поставил её на конец ноги, опёрся ладонью и начал пристально глядеть на небо.

– Что же ты не бросаешь? Чего ждёшь? – спрашивает чертёнок.

– Жду, когда вон энта тучка подойдёт – я на неё дубинку вскину; там сидит мой брат кузнец, ему железо на дело пригодится.

– Э, нет, Шабарша! Не бросай дубинку на тучку, а то дедушка рассердится!

Выхватил бесёнок дубинку и нырнул к дедушке.

□Дедушка как услышал от внучка, что Шабарша чуть-чуть не закинул его дубинки, испугался не на шутку и велел таскать из омота деньги да откупаться. Чертёнок таскал-таскал деньги, много уж перетаскал – а шапка всё не полна!

– Ну, дедушка, на диво у Шабарши шапочка! Все деньги в неё перетаскал, а она всё ещё пуста. Теперь остался твой последний сундучок.

– Неси и его скорее! Верёвку-то он вьёт?

– Вьёт, дедушка!

– То-то!

Нечего делать, почал чертёнок заветный дедушкин сундучок, стал насыпать Шабаршову шапочку, сыпал-сыпал... насилу дополнил! С той поры, с того времени зажил батрак на славу; звали меня к нему мёд-пиво пить, да я не пошёл: мёд, говорят, был горек, а пиво мутно. Отчего бы такая притча?

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Батрак

Жил-был мужик; у него было три сына. Пошёл старший сын в батраки наниматься; пришёл в город и нанялся к купцу, а тот купец куда был скуп и суров! Только одну речь и держал: как запоёт петух, так и вставай батрак, да принимайся за работу. Трудно, тяжело показалось парню; прожил он с неделю и воротился домой. Пошёл средний сын, прожил у купца с неделю, не выдержал и взял расчёт.

– Батюшка, – говорит меньшей сын, – позволь, я пойду в батраки к купцу.

– Куда тебе, дураку! Знал бы сидел на печи! Получше тебя ходили, да ни с чем ворочались.

– Ну как хочешь, а я пойду!

Сказал и пошёл к купцу:

– Здравствуй, купец!

– Здравствуй, молодец! Что хорошего скажешь?

– Найми меня в батраки.

– Изволь; только у меня, брат, как петух запоёт – так и ступай на работу на весь день.

– Знамое дело: нанялся, что продался!

– А что возьмёшь?

– Да что с тебя взять? Год проживу – тебе щелчок да купчихе щипок; больше ничего не надо.

– Ладно, молодец! – отвечает хозяин, а сам думает: – Экая благодать! Вот когда дешёво нанял, так дешёво!

□Вечеру батрак изловчился, поймал петуха, завернул ему голову под крыло и завалился спать. Уж полночь давно прошла, дело к утру идёт – пора бы батрака будить, да петух не поёт! Поднялось солнышко на небо – батрак и сам проснулся.

– Ну, хозяин, давай завтракать, время работа́ть идти.

Позавтракал и проработал день до вечера; в сумерки опять изловил петуха, завернул ему голову за крыло и завалился спать до утра. На третью ночь опять то же. Дался диву купец, что за притча такая с петухом: совсем перестал горло драть!

– Пойду-ка я, – думает, – на деревню, поищу иного петуха.

Пошёл купец петуха искать и батрака с собою взял.

□Вот идут они дорогою, а навстречу им четверо мужиков быка ведут, да и бык же – большой да злющий! Еле-еле на верёвках удержат!

– Куда, братцы? – спрашивает батрак.

– Да быка на бойню ведём.

– Эх, вы! Четверо быка ведёте, а тут и одному делать нечего!

Подошёл к быку, дал ему в лоб щелчок и убил до смерти; опосля ухватил щипком за шкуру – вся шкура долой! Купец как увидел, каковы у батрака щелчки да щипки, больно пригорюнился; совсем забыл о петухе, вернулся домой и стал с купчихой совет держать, как им беду-горе отбывать?

– А вот что, – говорит купчиха, – пошлём-ка мы батрака поздно

вечером в лес, скажем, что корова со стада не пришла; пускай его лютые звери съедят!

– Ладно!

Дождались вечера, поужинали; вышла купчиха на двор, постояла у крылечка, входит в избу и говорит батраку:

– Что ж ты коров в сарай не загнал? Ведь одной-то, комолой^[1], нету!

– Да, кажись, они все были...

– То-то все! Ступай скорей в лес да поищи хорошенько.

□Батрак оделся, взял дубинку и побрёл в дремучий лес; сколько ни ходил по лесу – не видать ни одной коровы; стал присматриваться да приглядываться – лежит медведь в берлоге, а батрак думает – то корова.

– Эхма, куда затесалась, проклятая! А я тебя всю ночь ищу.

И давай осаживать медведя дубинкою; зверь бросился наутёк, а батрак ухватил его за шею, приволок домой и кричит:

– Отворяй ворота, принимай живота!

Пустил медведя в сарай и запер вместе с коровами. Медведь сейчас принялся коров душить да ломать; за ночь всех до одной так и порешил. Наутро говорит батрак купцу с купчихою:

– Ведь корову-то я нашёл.

– Пойдём, жена, посмотрим, какую корову нашёл он в лесу?

Пошли в сарай, отворили двери, глядь – коровы задушены, а в углу медведь сидит.

– Что ты, дурак, наделал? Зачем медведя в сарай притащил? Он всех коров у нас порешил!

– Постой же, – говорит батрак, – не миновать ему за то смерти!

Кинулся в сарай, дал медведю щелчок – из него и дух вон!

– Плохо дело, – думает купец, – лютые звери ему нипочём. Разве один чёрт с ним сладит! Поезжай, – говорит батраку, – на чёртову мельницу да сослужи мне службу великую: собери с нечистых деньги; в долг у меня забрали, а отдавать не отдают!

– Изволь, – отвечает батрак, – для чего не сослужить такой безделицы?

□Запряг лошадь в телегу и поехал на чёртову мельницу; приехал, сел на плотине и стал верёвку вить. Вдруг выпрыгнул из воды бес:

– Батрак! Что ты делаешь?

– Чай, сам видишь: верёвку вью.

– На что тебе верёвка?

– Хочу вас, чертей, таскать да на солнышке сушить; а то вы, окаянные, совсем перемокли!

– Что ты, что ты, батрак! Мы тебе ничего худого не сделали.

– А зачем моему хозяину долгов не платите? Занимать небось умели!

– Постой немножко, я пойду спрошу старшого, – сказал чёрт и нырнул в воду.

Батрак сейчас за лопату, вырыл глубокую яму, прикрыл её сверху хворостом, посередке свой шлык^[2] устави́л, а в шлыке-то загодя дыру прорезал.

□Чёрт выскочил и говорит батраку:

– Старшой спрашивает как же будешь ты чертей таскать? Ведь наши ому́ты бездонные.

– Великая важность! У меня на то есть верёвка такая: сколько хочешь меряй, всё конца не доберёшься.

– Ну-ка покажи!

Батрак связал оба конца своей верёвки и подал чёрту; уж тот мерил-мерил, мерил-мерил, всё конца нету.

– А много ль долгов платить?

– Да вот насыпь этот шлык серебром, как раз будет.

Черт нырнул в воду, рассказал про всё старшому; жаль стало старому с деньгами расставаться, а делать нечего, пришло раскошелиться. Насыпал батрак полон воз серебра и привёз к купцу.

– Вот она беда-то! И чёрт его не берёт!

□Стал купец с купчихой уговариваться бежать из дому; купчиха напекла пирогов да хлебов, наклала два мешка и легла отдохнуть, чтоб к ночи с силами собраться да от батрака уйти. А батрак вывалил из мешка пироги и хлебы да вместо того в один положил жернова, а в другой сам залез; сидит – не ворохнется, и дух притаил! Ночью разбудил купец купчиху, взвалили себе по мешку на плеча и побежали со двора. А батрак из мешка подает голос:

– Эй, хозяин с хозяйкой! Погодите, меня с собой возьмите.

– Узнал, проклятый! Гонит за нами! – говорят купец с купчихою и побежали ещё шибче; во как уморились!

Увидал купец озеро, остановился, сбросил мешок с плеч:

– Отдохнём, – говорит, – хоть немножко!

А батрак отзывается:

– Тише бросай, хозяин! Все бока переломашь.

– Ах, батрак, да ты здесь!

– Здесь!

□Ну, хорошо; решились заночевать на берегу и легли все рядышком.

– Смотри, жена, – говорит купец, – как только заснёт батрак, мы его бросим в воду.

Батрак не спит, ворочается, с боку на бок переваливается. Купец да купчиха ждали-ждали и уснули; батрак тотчас снял с себя тулуп да шапку, надел на купчиху, а сам нарядился в её шубейку и будит хозяина:

– Вставай, бросим батрака в озеро!

Купец встал; подхватили они вдвоём сонную купчиху и кинули в воду.

– Что ты, хозяин, сделал? – закричал батрак. – За что утопил купчиху?

Делать нечего купцу, воротился домой с батраком, а батрак прослужил у него целый год да дал ему щелчок в лоб – только и жил купец! Батрак взял себе его имение и стал жить-поживать, добра припасать, лиха избывать.

---

[1] – Комолый – о животных, обыкновенно имеющих рога: безрогий, имеющий вместо рогов только комли рогов, роговые наросты.

[2] – Шлык – головной убор с коническим верхом.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Змей и цыган

В старые годы стояла одна деревушка, повадился в ту деревушку змей летать, людей пожирать. Всех поел; остался всего-навсего один мужик. В те поры приходит туда цыган; дело было поздним вечером. Куда ни заглянет – везде пусто! Зашёл, наконец, в последнюю избушку; там сидит да плачется остальной мужик.

– Здравствуй, добрый человек!

– Ты зачем, цыган? Верно, жизнь тебе надоела?

– А что?

– Да ведь сюда повадился змей летать, людей пожирать; всех поел, меня одного до утра оставил, а завтра прилетит – и меня сожрёт, да и тебе несдобровать. Разом двух съест!

– А может, подавится! Дай-ка я с тобой переночую да посмотрю завтра: какой-такой змей к вам летает?

Переночевали.

□ Утром поднялась вдруг сильная буря, затряслась изба – прилетает змей:

– Ага! – говорит. – Прибыль есть! Оставил одного мужика, а нашёл двух. Будет чем позавтракать!

– Будто и вправду съешь? – спрашивает цыган.

– Да таки съем!

– Брешешь, чёртова образина! Подавишься!

– Что ж, ты разве сильнее меня?

– Ещё бы! Чай, сам знаешь, что у меня сила больше твоей.

– А ну, давай попробуем: кто кого сильнее?

– Давай!

Змей достал из жерновов камень:

– Смотри, цыган! Я этот камень одной рукой раздавлю.

– Ладно, посмотрю!

Змей взял камень в горсть и стиснул так крепко, что он в мелкий песок обратился: искры так и посыпались!

– Экое диво! – говорит цыган. – А ты так сожми камень, чтоб из него вода потекла. Гляди, как я сожму!

А на столе лежал узелок творогу; цыган схватил его и ну давить – сыворотка и потекла наземь.

– Что, видел? У кого силы больше?

– Правда, рука у тебя сильнее моей; а вот попробуем: кто из нас крепче свистнет?

– Ну, свистни!

Змей как свистнул – со всех деревьев лист осыпался.

– Хорошо, брат, свистишь, а все не лучше моего, – сказал цыган. – Завяжи-ка наперёд свои бельмы, а то как я свистну – они у тебя изо лба повыскочат!

Змей поверил и завязал платком свои глаза:

– А ну, свисти!

Цыган взял дубину да как свистнет змея по башке – тот во все горло закричал:

– Полно, полно, цыган! Не свисти больше, и с одного разу немного глаза не вылезли.

– Как знаешь, а я, пожалуй, готов и ещё разок-другой свистнуть.

– Нет, не надо, не хочу больше спорить. Давай лучше с тобой побратаемся: ты будь старший брат, а я меньшей.

– Пожалуй!

– Ну, брат, – говорит змей, – ступай – там на степи пасётся стадо волков; выбери самого жирного, возьми за хвост и тащи на обед.

Нечего делать – пошёл цыган в степь; видит – пасётся большой гурт волков, давай их ловить да друг к дружке за хвосты связывать. Змей ждал-ждал, не выдержал и побежал сам:

– Что так долго?

– А вот постой: навяжу штук пятьдесят, да за один раз и поволоку всех домой, чтоб на целый месяц хватило!

– Экой ты! Нешто нам здесь век вековать? Будет и одного.

Тут змей ухватил самого жирного вола за хвост, сдернул с него шкуру, мясо взвалил на плечи и потащил домой.

– Как же, брат, я столько штук навязал – неужли ж так бросить?

– Ну, брось.

□Пришли в избу, наклали два котла говядины, а воды нету.

– На´ тебе воловью шкуру, – говорит цыгану змей, – ступай, набери полную воды и неси сюда; станем обед варить.

Цыган взял шкуру, потащил к колодезю – еле-еле порожнюю тащит, не то что с водой. Пришёл и давай окапывать кругом колодезь. Змей опять ждал-ждал, не выдержал и побежал сам:

– Что ты, брат, делаешь?

– Хочу колодезь кругом окопать да весь в избу притащить, чтоб не нужно было ходить по́воду.

– Экой ты! Много затеваешь! Чтоб окопать, надо много времени.

Опустил змей в колодезь шкуру, набрал полную воды, вытащил и понёс домой.

– А ты, брат, – говорит цыгану, – ступай пока в лес, выбери сухой дуб и волоки в избу; пора огонь разводить!

Цыган пошёл в лес, начал лыки драть да верёвки вить; свил длинную-длинную верёвку и принялся дубы опутывать. Змей ждал-ждал, не выдержал, побежал сам:

– Что так мешкаешь?

– Да вот хочу зараз дубов двадцать зацепить верёвкой, да и тащить все с кореньями, чтобы на́долго дров хватило!

– Экой ты! Всё по-своему делаешь, – сказал змей, вырвал с корнем самый толстый дуб и поволок в избу.

□Цыган притворился, что крепко сердит, надул губы и сидит молча. Змей наварил говядины, зовёт его обедать, а он с сердцем отвечает:

– Не хочу!

Вот змей сожрал целого вола, выпил воловью шкуру воды и стал цыгана допрашивать:

– Скажи, брат, за что сердишься?

– А за то: что́ я ни сделаю – всё не так, всё не по-твоему!

– Ну, не сердись, помиримся!

– Коли хочешь со мной помириться, поедем ко мне в гости.

– Изволь; готов, брат!

Тотчас достал змей повозку, запряг тройку что ни есть лучших коней, и поехали вдвоём в цыганский табор. Стали подъезжать; увидали цыганята своего батька, бегут к нему навстречу голые да во всё горло кричат:

– Батько приехал; змея привёз!

Змей испугался, спрашивает цыгана:

– Кто это?

– А то мои дети! Чай, голодны теперь; смотри, как за тебя примутся!

Змей из повозки, да бежать; а цыган продал тройку лошадей вместе с повозкой и зажил себе припеваючи.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

**Русские народные сказки. А.
Н. Афанасьев. Никита Кожемяка**

Около Киева проявился змей, брал он с народа поборы немалые: с каждого двора по красной девке; возьмёт девку да и съест её. Пришёл черёд идти к тому змею царской дочери. Схватил змей царевну и потащил её к себе в берлогу, а есть её не стал: красавица собой была, так за жену себе взял. Полетит змей на свои промыслы, а царевну завалит брёвнами, чтоб не ушла. У той царевны была собачка, увязалась с нею из дому. Напишет, бывало, царевна записочку к батюшке с матушкой, навяжет собачке на шею; а та побежит, куда надо, да и ответ ещё принесёт. Вот раз царь с царицею и пишут к царевне: узнай, кто сильнее змея? Царевна стала приветливей к своему змею, стала у него допытываться, кто его сильнее. Тот долго не говорил, да раз и проболтался, что живёт в городе Киеве Кожемяка – тот и его сильнее. Услыхала про то царевна, написала к батюшке: сыщите в городе Киеве Никиту Кожемяку да пошлите его меня из неволи выручать.

Царь, получивши такую весть, сыскал Никиту Кожемяку да сам пошёл просить его, чтобы освободил его землю от лютого змея и выручил царевну. В ту пору Никита кожи мял, держал он в руках двенадцать кож; как увидел он, что к нему пришёл сам царь, задрожал со страху, руки у него затряслись – и разорвал он те двенадцать кож. Да сколько ни упрашивал царь с царицею Кожемяку, тот не пошёл супротив змея. Вот и придумали собрать пять тысяч детей малолетних, да и заставили их просить

Кожемяку: авось на их слёзы сжалобится! Пришли к Никите малолетние, стали со слезами просить, чтоб шёл он супротив змея. Прослезился и сам Никита Кожемяка, на их слёзы глядя. Взял триста пуд пеньки, насолил смолою и весь-таки обмотался, чтобы змей не съел, да и пошёл на него.

Подходит Никита к берлоге змеиной, а змей запёрся и не выходит к нему.

– Выходи лучше в чистое поле, а то и берлогу размечу! – сказал Кожемяка и стал уже двери ломать.

Змей, видя беду неминуемую, вышел к нему в чистое поле. Долго ли, коротко ли бился с змеем Никита Кожемяка, только повалил змея. Тут змей стал молить Никиту:

– Не бей меня до смерти, Никита Кожемяка! Сильней нас с тобой в свете нет; разделим всю землю, весь свет поровну: ты будешь жить в одной половине, а я в другой.

– Хорошо, – сказал Кожемяка, – надо между проложить.

Сделал Никита соху в триста пуд, запряг в неё змея, да и стал от Киева между пропахивать; Никита провел борозду от Киева до моря Кавстрийского.

– Ну, – говорит змей, – теперь мы всю землю разделили!

– Землю разделили, – проговорил Никита, – давай море делить, а то ты скажешь, что твою воду берут.

Въехал змей на середину моря, Никита Кожемяка убил и утопил его в море. Эта борозда и теперь видна; вышиною та борозда двух сажён. Кругом её пашут, а борозды не трогают, а кто не знает, от чего эта борозда, – называет её валом. Никита Кожемяка, сделавши святое дело, не взял за работу ничего, пошёл опять кожи мять.

 Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Семь Семионов

В одном месте у мужика было семь сынов, семь Семёнов – все молодец молодца лучше, а такие лентяи, неработицы – по всём свете поискать! Ничего не делали. Отец мучился-мучился с ними и повёз к царю; привозит туда, сдаёт всех в царскую службу. Царь поблагодарил его за таких молодцов и спросил, что они умеют делать.

– У самих спросите, ваше царско величество!

Царь наперво созвал большого Семёна, спросил:

– Чего ты умеешь делать?

– Воровать, ваше царско величество.

– Ладно; мне такой человек на время надобен.

Созвал второго:

– А ты чего?

– Я умею ковать всяки дороги́ вещи.

– Мне и такой человек надобен.

Созвал третьего Семена, спрашивает:

– А ты чего умеешь делать?

– Я умею стрелять на лету птицу, ваше царско величество.

– Ладно!

Спрашивает четвёртого:

– А ты чего?

– Если стрелец подстрелит птицу, я вместо собаки сплаваю за ней и притащу.

– Ладно! – говорит царь. – А ты чему мастер? – спросил пятого.

– Я буду смотреть с высокого места во все царства и стану сказывать, где чего делается.

– Хорошо, хорошо!

Спросил шестого.

– Я знаю делать корабли; только тяп-ляп, у меня и будет корабль.

– Хорошо, а ты чего знаешь? – спросил седьмого.

– Я умею лечить людей.

– Ладно!

□Царь отпустил их. Живут долго уж; царь и вздумал попытать одного Семёна:

– Ну-ка, Семён, узнай, где чего делается?

Семён забился куда-то наверх, посмотрел по сторонам и рассказал:

– Тут вот то-то делается, там то-то.

После сличили с газетами – точно так! Прошло опять много время; царь вздумал жениться на одной царевне: как её достать? Не знат, некого послать! И вспомнил семь Семёнов, созвал их, дал службу: достать эту царевну; дал им сколько-то солдатства. Семёны скоро собрались, все мастера – тяп да ляп, и сделали корабль, сели и поплыли. Подплывают под то царство, где была невеста-царевна; один посмотрел с высокого шеста, сказал, что царевна теперь одна – украсть можно; другой сковал какие-то

самые дорогие вещи, и пошли с вором продавать: только дошли, вор тотчас и украл царевну. Отсекли якоря, поплыли. Царевна видит, что её везут, обернулась белой лебедью и полетела с корабля. Стрелец не оробел, схватил ружьё, стрелил и попал ей в левое крыло; вместо собаки кинулся другой Семён, схватил лебедь на́ море и принёс на корабль. Лебедь обернулась опять царевной, только лева рука у неё была подстрелена. Лекарь у них свой, тотчас руку у царевны вылечил.

□ Приехали к своему царству здоровы, благополучны, выстрелили из пушки. Царь услышал, и забыл уж про Семёнов – думат: что за корабль пришёл там?

– Поди-ка, – говорит, – сбегайте, узнайте там.

Кто-то сбегал ли, съездил ли; сколь скоро доложили царю о семи Семёнах вместе с царской невестой, – он обрадовался Семёновым трудам, приказал встретить их с честью, с пушечной пальбой, с барабанным боем. Только царевна не пошла за царя взамуж: он был уж стар. Он её и спросил, за кого она хочет выйти? Царевна говорит:

– За того, кто меня воровал! – а вор Сенька был бравый детина, царевне поглянулся^[1]. Царь, не говоря больше ни слова, приказал их обвенчать; потом сам захотел на покой, Семёна поставил на своё место, а братовой его сделал всех большими боярами.

---

[1] – Понравился.

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Летучий корабль

Был себе дед да баба, у них было три сына: два разумных, а третий дурень. Первых баба любила, чисто одевала; а последний завсегда был одет худо – в чёрной сорочке ходил. Послышали они, что пришла от царя бумага: «кто состроит такой корабль, чтобы мог летать, за того выдаст замуж царевну». Старшие братья решились идти пробовать счастья и попросили у стариков благословения; мать снарядила их в дорогу, надавала им белых паляниц^[1], разного мясного и фляжку горелки и выпроводила в путь-дорогу. Увидя то, дурень начал и себе проситься, чтобы и его отпустили. Мать стала его уговаривать, чтоб не ходил:

– Куда тебе, дурню; тебя волки съедят!

Но дурень заладил одно: пойду да пойду! Баба видит, что с ним не сладишь, дала ему на дорогу чёрных паляниц и фляжку воды и выпроводила из дому.

□Дурень шёл-шёл и повстречал старика. Поздоровались. Старик спрашивает дурня:

– Куда идёшь?

– Да царь обещал отдать свою дочку за того, кто сделает летучий корабль.

– Разве ты можешь сделать такой корабль?

– Нет, не сумею!

– Так зачем же ты идёшь?

– А бог его знает!

– Ну, если так, – сказал старик, – то садись здесь; отдохнём вместе и закусим; вынимай, что у тебя есть в торбе.

– Да тут такое, что и показать стыдно людям!

– Ничего, вынимай; что бог дал – то и поснедаем!

Дурень развязал торбу – и глазам своим не верит: вместо чёрных паляниц лежат белые булки и разные приправы; подал старику.

– Видишь, – сказал ему старик, – как бог дурней жалует! Хоть родная мать тебя и не любит, а вот и ты не обделён... Давай же выпьем наперёд горелки.

Во фляжке наместо воды очутилась горелка; выпили, перекусили, и говорит старик дурню:

– Слушай же – ступай в лес, подойди к первому дереву, перекрестись три раза и ударь в дерево топором, а сам уподи наземь ничком и жди, пока тебя не разбудят. Тогда увидишь перед собою готовый корабль, садись в него и лети, куда надобно; да по дороге забирай к себе всякого встречного.

□Дурень поблагодарил старика, распрощался с ним и пошёл к лесу. Подошёл к первому дереву, сделал всё так, как ему велено: три раза перекрестился, тюкнул по дереву секирою^[2], упал на землю ничком и заснул. Спустя несколько времени начал кто-то будить его. Дурень проснулся и видит готовый корабль; не стал долго думать, сел в него – и корабль полетел по

воздуху.

□Летел-летел, глядь – лежит внизу на дороге человек, ухом к сырой земле припал.

– Здоров, дядьку!

– Здоров, небоже.

– Что ты делаешь?

– Слушаю, что на том свете делается.

– Садись со мною на корабль.

Тот не захотел отговариваться, сел на корабль, и полетели они дальше. Летели-летели, глядь – идёт человек на одной ноге, а другая до уха привязана.

– Здоров, дядьку! Что ты на одной ноге скачешь?

– Да коли б я другую отвязал, так за один бы шаг весь свет перешагнул!

– Садись с нами!

Тот сел, и опять полетели. Летели-летели, глядь – стоит человек с ружьём, прицеливается, а во что – неведомо.

– Здоров, дядьку! Куда ты метишь? Ни одной птицы не видно. – Как же, стану я стрелять близко! Мне бы застрелить зверя или птицу вёрст за тысячу отсюда: то по мне стрельба!

– Садись же с нами!

Сел и этот, и полетели они дальше.

□Летели-летели, глядь – несёт человек за спиною полон мех хлеба.

– Здоров, дядьку! Куда идёшь?

- Иду, – говорит, – добывать хлеба на обед.
- Да у тебя и так полон мешок за спиной.
- Что тут! Для меня этого хлеба и на один раз укусить нечего.
- Садись-ка с нами!

Объедало сел на корабль, и полетели дальше. Летели-летели, глядь – ходит человек вокруг озера.

- Здоров, дядьку! Чего ищешь?
- Пить хочется, да воды не найду.
- Да перед тобой целое озеро; что ж ты не пьёшь?
- Эка! Этой воды на один глоток мне не станет.
- Так садись с нами!

Он сел, и опять полетели. Летели-летели, глядь – идёт человек в лес, а за плечами вязанка дров.

- Здоров, дядьку! Зачем в лес дрова несёшь?
- Да это не простые дрова.
- А какие же?
- Да такие: коли разбросить их, так вдруг целое войско явится.
- Садись с нами!

Сел он к ним, и полетели дальше. Летели-летели, глядь – человек несёт куль соломы.

- Здоров, дядьку! Куда несёшь солому?
- В село.
- Разве в селе-то мало соломы?

– Да это такая солома, что как ни будь жарко лето, а коли разбросаешь её – так зараз холодно делается: снег да мороз!

– Садись и ты с нами!

– Пожалуй!

Это была последняя встреча; скоро прилетели они до царского двора.

□Царь на ту пору за обедом сидел: увидел летучий корабль, удивился и послал своего слугу спросить: кто на том корабле прилетел? Слуга подошёл к кораблю, видит, что на нем всё мужики, не стал и спрашивать, а, воротясь назад в покои, донёс царю, что на корабле нет ни одного пана, а всё чёрные люди. Царь рассудил, что отдавать свою дочь за простого мужика не приходится, и стал думать, как бы от такого зятя избавиться. Вот и придумал: «Стану я ему задавать разные трудные задачи». Тотчас посылает к дурню с приказом, чтобы он достал ему, пока царский обед покончится, целующей и живущей воды.

□В то время как царь отдавал этот приказ своему слуге, первый встречный (тот самый, который слушал, что на том свете делается) услышал царские речи и рассказал дурню.

– Что же я теперь делать буду? Да я и за год, а может быть, и весь свой век не найду такой воды!

– Не бойся, – сказал ему скороход, – я за тебя справлюсь.

Пришёл слуга и объявил царский приказ.

– Скажи: принесу! – отозвался дурень; а товарищ его отвязал свою ногу от уха, побежал и мигом набрал целующей и живущей воды: «Успею, – думает, – воротиться!» – присел под мельницей отдохнуть и заснул. Царский обед к концу подходит, а его нет как нет; засуетились все на корабле. Первый встречный приник к сырой земле, прислушался и сказал:

– Экий! Спит себе под мельницей.

Стрелок схватил своё ружьё, выстрелил в мельницу и тем выстрелом разбудил скорохода; скороход побежал и в одну минуту принёс воду; царь ещё из-за стола не встал, а приказ его выполнен как нельзя вернее.

□Нечего делать, надо задавать другую задачу. Царь велел сказать дурню: «Ну, коли ты такой хитрый, так покажи своё удалство: съешь со́ своими товарищами за один раз двенадцать быков жареных да двенадцать кулей печёного хлеба». Первый товарищ услышал и объявил про то дурню. Дурень испугался и говорит:

– Да я и одного хлеба за один раз не съем!

– Не бойся, – отвечает Обьедало, – мне ещё мало будет!

Пришёл слуга, явил царский указ.

– Хорошо, – сказал дурень, – давайте, будем есть.

Принесли двенадцать быков жареных да двенадцать кулей хлеба печёного; Обьедало один всё поел.

– Эх, – говорит, – мало! Ещё б хоть немножко дали...

Царь велел сказать дурню, чтобы выпито было сорок бочек вина, каждая бочка в сорок вёдер. Первый товарищ дурня подслушал те царские речи и передал ему по-прежнему; тот испугался: «Да я и одного ведра не в силах за раз выпить».

– Не бойся, – говорит Опивало, – я один за всех выпью; ещё мало будет!

Налили вином сорок бочек; Опивало пришёл и без роздыху выпил все до одной; выпил и говорит:

– Эх, маловато! Ещё б выпить.

□После того царь приказал дурню к венцу готовиться, идти в баню да вымыться; а баня-то была чугунная, и ту велел натопить жарко-жарко, чтоб дурень в ней в одну минуту задохся. Вот

раскалили баню докрасна; пошёл дурень мыться, а за ним следом идёт мужик с соломой: подостлать-де надо. Заперли их обоих в бане; мужик разбросал солому – и сделалось так холодно, что едва дурень вымылся, как в чугунах вода стала мёрзнуть; залез он на печку и там всю ночь пролежал. Утром отворили баню, а дурень жив и здоров, на печи лежит да песни поёт. Доложили царю; тот опечалился, не знает, как бы отвязаться от дурня; думал-думал и приказал ему, чтобы целый полк войска поставил, а у самого на уме: «Откуда простому мужику войско достать? Уж этого он не сделает!»

□Как узнал про то дурень, испугался и говорит:

– Теперь-то я совсем пропал! Выручали вы меня, братцы, из беды не один раз; а теперь, видно, ничего не поделаешь.

– Эх ты! – отозвался мужик с вязанкою дров. – А про меня разве забыл? Вспомни, что я мастер на такую штуку, и не бойся!

Пришёл слуга, объявил дурню царский указ: «Коли хочешь на царевне жениться, поставь к завтраму целый полк войска».

– Добре, зрблю! Только если царь и после того станет отговариваться, то повоюю всё его царство и насильно возьму царевну.

Ночью товарищ дурня вышел в поле, вынес вязанку дров и давай раскидывать в разные стороны – тотчас явилось несметное войско; и конное, и пешее, и с пушками. Утром увидал царь и в свой черёд испугался; поскорей послал к дурню дорогие уборы и платья, велел во дворец просить с царевной венчаться. Дурень нарядился в те дорогие уборы, сделался таким молодцом, что и сказать нельзя! Явился к царю, обвенчался с царевною, получил большое приданое и стал разумным и догадливым. Царь с царицею его полюбили, а царевна в нем души не чаяла.

---

[1] – Лепешки (Ред.).

[2] – Топором.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Медведко, Усыня, Горыня и Дубыня- богатыри

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был старик со старухой; детей у них не было. Говорит раз старик:

– Старуха, поди купи репку – за обедом съедим.

Старуха пошла, купила две репки; одну кое-как изгрызли, а другую в печь положили, чтобы распарилась. Погодя немного слышат – что-то в печи кричит:

– Бабушка, откутай; тут жарко!

Старуха открыла заслонку, а в печи лежит живая девочка.

– Что там такое? – спрашивает старик.

– Ах, старик! Господь дал нам девочку.

И старик и старуха крепко обрадовались и назвали эту девочку Репкою.

□ Вот Репка росла, росла и выросла большая. В одно время приходят деревенские девки и просят:

– Бабушка, отпусти с нами Репку в лес за ягодами.

– Не пушу, к...ны дети! Вы её в лесу покинете.

– Нет, бабушка, ни за что не кинем.

Старуха отпустила Репку. Собрались девки, пошли за ягодами и зашли в такой дремучий лес, что зги не видать. Глядь – стоит в лесу избушка, вошли в избушку, а там на столбе медведь сидит.

– Здравствуйте, красные девицы! – сказал медведь. – Я вас давно жду.

Посадил их за стол, наклат им каши и говорит:

– Кушайте, хорошие-пригожие! Которая есть не будет, тоё замуж возьму.

Все девки кашу едят, одна Репка не ест. Медведь отпустил девок домой, а Репку у себя оставил; притащил сани, прицепил к потолку, лёг в эти сани и заставил себя качать. Репка стала качать, стала приговаривать:

– Бай-бай, старый хрен!

– Не так! – говорит медведь. – Сказывай: бай-бай, милый друг!

Нечего делать, стала качать да приговаривать:

– Бай-бай, милый друг!

□ Вот так-то прожил медведь с нею близко года; Репка забрюхатела и думает: как бы выискать случай да уйти домой. Раз медведь пошёл на добычу, а её в избушке оставил и заклал дверь дубовыми пнями. Репка давай выдираться, силилась-силилась, кое-как выдралась и убежала домой. Старик со старухой обрадовались, что она нашлась: живут они месяц, другой и третий; а на четвёртый Репка родила сына – половина человечья, половина медвежья; окрестили его и дали имя Ивашко-Медведко. Зачал Ивашко расти не по годам, а по часам; что час, то на вершок выше подается, словно кто его в гору^[1] тащит. Стукнуло ему пятнадцать лет, стал он ходить с ребятами на игры и шутить шутки нехорошие: кого ухватит за руку – рука прочь, кого за голову – голова прочь.

□ Пришли мужики жаловаться, говорят старику:

– Как хочешь, земляк, а чтобы сына твоего здесь не было! Нам для его удали не погубить своих деток!

Старик запечалился-закручинился.

– Что ты, дедушка, так невесел? – спрашивает Ивашко-Медведко.
– Али кто тебя обездолил?

Старик трудно вздохнул:

– Ах, внучек! Один ты у меня был кормилец, и то велят тебя из села выслать.

– Ну что ж, дедушка! Это ещё не беда; а вот беда, что нет у меня обороны. Поди-ка, сделай мне железную дубинку в двадцать пять пуд.

Старик пошёл и сделал ему двадцатипятипудовую дубинку. Ивашко простился с дедом, с бабою, взял свою дубинку и пошёл куда глаза глядят.

□ Идёт путем-дорогою, пришёл к реке шириной в три версты; на берегу стоит человек, спёр реку ртом, рыбу ловит усом, на

языке варит да кушает.

– Здравствуй, Усыня-богатырь!

– Здравствуй, Ивашко-Медведко! Куда идёшь?

– Сам не ведаю: иду куда глаза глядят.

– Возьми и меня с собой.

– Пойдём, брат! Я товарищу рад.

Пошли двое и увидели богатыря – захватил тот богатырь целую гору, понёс в лог и верстаёт^[2] дорогу. Ивашко удивился:

– Вот чудо так чудо! Уж больно силён ты, Горынюшка!

– Ох, братцы, какая во мне сила? Вот есть на белом свете Ивашко-Медведко, так у того и впрямь сила великая!

– Да ведь это я!

– Куда ж ты идёшь?

– А куда глаза глядят.

– Возьми и меня с собой.

– Ну, пойдём; я товарищам рад.

□Пошли трое и увидели чудо – богатырь дубьё верстаёт: который дуб высок, тот в землю пихает, а который низок, из земли тянет. Удивился Ивашко:

– Что за сила, за могута великая!

– Ох, братцы, какая во мне сила? Вот есть на белом свете Ивашко-Медведко, так тот и впрямь силён!

– Да ведь это я!

– «Куда же тебя бог несёт?»

– Сам не знаю, Дубынюшка! Иду куда глаза глядят.

– Возьми и меня с собой.

– Пойдём; я товарищам рад.

Стало их четверо.

□Пошли они путём-дорогою, долго ли, коротко ли – зашли в тёмный, дремучий лес; в том лесу стоит малая избушка на курячьей ножке и всё поворачивается. Говорит Ивашко:

– Избушка, избушка! Стань к лесу задом, а к нам передом.

Избушка поворотилась к ним передом, двери сами растворились, окна открылись; богатыри в избушку – нет никого, а на дворе и гусей, и уток, и индеек – всего вдоволь!

– Ну, братцы, – говорит Ивашко-Медведко – всем нам сидеть дома не годится; давайте кинем жеребей: кому дома оставаться, а кому на охоту идти.

Кинули жеребей: пал он на Усыню-богатыря.

□Названные братья его на охоту ушли, а он настряпал-наварил, чего только душа захотела, вымыл голову, сел под окошечко и начал гребешком кудри расчесывать. Вдруг закутилось-замутилось, в глаза зелень выступила – становится земля пупом, из-под земли камень выходит, из-под камня баба-яга костяная нога, ж... жиленая, на железной ступе едет, железным толкачом^[3] погоняет, сзади собачка побрехивает.

– Тут мне попить-поесть у Усыни-богатыря!

– Милости прошу, баба-яга костяная нога!

Посадил её за стол, подал часточку^[4], она съела. Подал другую, она собачке отдала:

– Так-то ты меня потчуешь!

Схватила толкач, начала бить Усынюшку; била-била, под лавку забила, со спины ремень вырезала, поела всё дочиста и уехала. Усыня очнулся, повязал голову платочком, сидит да охает. Приходит Ивашко-Медведко с братьями:

– Ну-ка, Усынюшка, дай нам пообедать, что ты настряпал.

– Ах, братцы, ничего не варил, не жарил: так угорел, что насилил избу прокурил.

□На другой день остался дома Горыня-богатырь; наварил-настряпал вымыл голову, сел под окошечком и начал гребнем кудри расчесывать. Вдруг закутилось-замутилось, в глаза зелень выступила – становится земля пупом, из-под земли камень, из-под камня баба-яга костяная нога, на железной ступе едет, железным толкачом погоняет, сзади собачка побрехивает.

– Тут мне попить-погулять у Горынюшки!

– Милости прошу, баба-яга костяная нога!

Она села, Горыня подал ей часточку – баба-яга съела; подал другую – собачке отдала:

– Так-то ты меня потчуешь!

Схватила железный толкач, била его, била, под лавку забила, со спины ремень вырезала, поела всё до последней крошки и уехала. Горыня опомнился, повязал голову и, ходя, охает. Воротился Ивашко-Медведко с братьями:

– Ну-ка, Горынюшка, что ты нам на обед сготовил?

– Ах, братцы, ничего не варил: печь угарная, дрова сырые, насилил прокурил.

□На третий день остался дома Дубыня-богатырь; настряпал-наварил, вымыл голову, сел под окошечком и начал кудри расчесывать. Вдруг закутилось-замутилось, в глаза зелень выступила – становится земля пупом, из-под земли камень, из-

под камня баба-яга костяная нога, на железной ступе едет, железным толкачом погоняет, сзади собачка побрехивает.

– Тут мне попить-погулять у Дубынюшки!

– Милости прошу, баба-яга костяная нога!

Баба-яга села, часточку ей подал – она съела; другую подал – собачке бросила:

– Так-то ты меня потчуешь!

Ухватила толкач, била его, била, под лавку забила, со спины ремень вырезала, поела всё и уехала. Дубыня очнулся, повязал голову и, ходя, охает. Воротился Ивашко:

– Ну-ка, Дубынюшка, давай нам обедать.

– Ничего не варил, братцы, так угорел, что насилу избу прокурил.

□На четвёртый день дошла очередь до Ивашки; остался он дома, наварил-настряпал, вымыл голову, сел под окошечком и начал гребнем кудри расчесывать. Вдруг закутилось-замутилось – становится земля пупом, из-под земли камень, из-под камня баба-яга костяная нога, на железной ступе едет, железным толкачом погоняет; сзади собачка побрехивает.

– Тут мне попить-погулять у Ивашки-Медведка!

– Милости прошу, баба-яга костяная нога!

Посадил её, часточку подал – она съела; другую подал – она сучке бросила:

– Так-то ты меня потчуешь!

Схватила толкач и стала его осаживать; Ивашко осердился, вырвал у бабы-яги толкач и давай её бить изо всей мочи, бил-бил, до полусмерти избил, вырезал со спины три ремня, взял засадил в чулан и запер.

□Приходят товарищи:

– Давай, Ивашко, обедать!

– Извольте, други, садитесь.

Они сели, а Ивашко стал подавать: всего много настряпано. Богатыри едят, дивуются да промеж себя разговаривают:

– Знать, у него не была баба-яга!

После обеда Ивашко-Медведко истопил баню, и пошли они париться. Вот Усыня с Дубынею да с Горынею моются и всё норовят стать к Ивашке передом. Говорит им Ивашко:

– Что вы, братцы, от меня свои спины прячете?

Нечего делать богатырям, признались, как приходила к ним баба-яга да у всех по ремню вырезала.

– Так вот от чего угорели вы! – сказал Ивашко, сбегал в чулан, отнял у бабы-яги те ремни, приложил к ихним спинам, и тотчас всё зажило.

После того взял Ивашко-Медведко бабу-ягу, привязал верёвкой за ногу и повесил на воротах:

– Ну, братцы, заряжайте ружья да давайте в цель стрелять: кто перешибёт верёвку пулею – молодец будет!

Первый выстрелил Усыня – промахнулся, второй выстрелил Горыня – мимо дал, третий Дубыня – чуть-чуть зацепил, а Ивашко выстрелил – перешиб верёвку; баба-яга упала наземь, вскочила и побежала к камню, приподняла камень и ушла под землю.

□Богатыри бросились вдогонку; тот попробует, другой попробует – не могут поднять камня, а Ивашко подбежал, как ударит ногою – камень отвалился, и открылась норка.

– Кто, братцы, туда ползет?

Никто не хочет.

– Ну, – говорит Ивашко-Медведко, – видно, мне лезть приходится!

Принёс столб, устави́л на краю пропасти, на столбе повесил колокол и прицепил к нему один конец верёвки, а за другой конец сам взялся.

– Теперь опускайте меня, а как ударю в колокол – назад тащите.

Богатыри стали спускать его в нору; Ивашко видит, что веревка вся, а до дна ещё не хватает; вынул из кармана три больших ремня, что вырезал у бабы-яги, привязал их к верёвке и опустился на тот свет.

□Увидал дорожку торную и пошёл по ней, шёл-шёл – стоит дворец, во дворце сидят три дёвицы, три красавицы, и говорят ему:

– Ах, добрый мо́лодец, зачем сюда зашёл? Ведь наша мать – баба-яга; она тебя съест!

– Да где она?

– Она теперь спит, а в головах у ней меч-кладенец лежит; ты меча не трогай, а коли дотронешься – она в ту ж минуту проснётся да на тебя накинется. А вот лучше возьми два золотых яблочка на серебряном блюдечке, разбуди ягу-бабу потихонечку, поднеси ей яблочки и проси отведать ласково; она поднимет свою голову, разинет пасть и как только станет есть яблочко – ты выхвати меч-кладенец и сруби ей голову за один раз, а в другой не руби; если ударишь в другой раз – она тотчас оживёт и предаст тебя злой смерти.

Ивашко так и сделал, отсёк бабе-яге голову, забрал красных дёвиц и повёл к норе; привязал старшую сестру к верёвке, ударил в колокол и крикнул:

– Вот тебе, Усыня, жена!

Богатыри её вытащили и опустили верёвку на низ; Ивашко привязал другую сестру:

– Вот тебе, Горыня, жена!

И ту вытащили. Привязал меньшую сестру и крикнул:

– А это моя жена!

Дубыня рассердился, и как скоро потащили Ивашку-Медведка, он взял палицу и разрубил верёвку надвое.

□Ивашко упал и больно зашибся; очнулся добрый молодец и не знает, как ему быть; день, другой и третий сидит не евши, не пивши, отощал с голоду и думает: «Пойду-ка, поищу в кладовых у бабы-яги, нет ли чего перекусить». Пошёл по кладовым, наелся-напился и напал на подземный ход; шёл-шёл и выбрался на белый свет. Идёт чистым полем и видит – красная девица скотину пасёт; подошёл к ней поближе и узнал свою невесту.

– Что, умница, делаешь?

– Скотину пасу; сёстры мои за богатырей замуж идут, а я не хочу идти за Дубынюшку, так он и приставил меня за коровами ходить.

Вечером красная девица погнала стадо домой; а Ивашко-Медведко за нею идёт. Пришёл в избу; Усыня, Горыня и Дубыня богатыри сидят за столом да гуляют. Говорит им Ивашко:

– Добрые люди! Поднесите мне хоть одну рюмочку.

Поднесли ему рюмку зелена вина; он выпил и другую запросил; дали ему другую, выпил и запросил третью, а как выпил третью – распалилось в нем богатырское сердце: выхватил он боевую палицу, убил всех трёх богатырей и выбросил их тела в чистое поле лютым зверям на съедение. После того взял свою наречённую невесту, воротился к старику и к старухе и сыграл весёлую свадьбу; много тут было выпито, много было съедено. И я на свадьбе был, мёд-вино пил, по усам текло, во рту сухо было;

дали мне пива корец^[5], моей сказке конец.

---

[1] – Т. е. вверх.

[2] – Верстать – делать ровным; выравнивать, ровнять.

[3] – Пест, Толкач – инструмент для толчения, растирки или дробления чего-либо в ступе.

[4] – Часть, кусок (Ред.).

[5] – Ковш (Ред.).

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Зорька, Вечорка и Полуночка

В некоем государстве жил-был король; у него было три дочери

красоты неописанной. Король берёг их пуще глаза своего, устроил подземные палаты и посадил их туда, словно птичек в клетку, чтобы ни буйные ветры на них не повеяли, ни красно солнышко лучом не опалило. Раз как-то вычитали королевны в одной книге, что есть чудный белый свет, и когда пришёл король навестить их, они тотчас начали его со слезами упрашивать:

– Государь ты наш батюшка! Выпусти нас на белый свет посмотреть, в зелёной саду погулять.

Король принялся было их отговаривать. – куда! – и слышать не хотят; чем больше отказывает, тем они пуще к нему пристают. Нечего делать, согласился король на их неотступную просьбу.

□ Вот прекрасные королевны вышли в сад погулять, увидели красное солнышко, и деревья, и цветы, и несказанно возрадовались, что им волен белый свет; бегают по саду – забавляются, всякою травкою любят, как вдруг подхватило их буйным вихрем и унесло высоко-далеко – неведомо куда. Мамки и няньки всполошились, побежали к королю докладывать; король тотчас разослал во все стороны своих верных слуг: кто на след нападёт, тому посулил большую награду пожаловать. Слуги ездили-ездили, ничего не проведали, с чем поехали – с тем и назад воротились. Король созвал свой большой совет, стал у думных бояр спрашивать, не возьмётся ли кто разыскать его дочерей? Кто это дело сделает, за того любую королевну замуж отдаст и богатым приданым на всю жизнь наделит. Раз спросил – бояре молчат, в другой – не отзываются, в третий – никто ни полслова! Залился король горячими слезами:

– Видно, нет у меня ни друзей, ни заступников! – и велел по всему государству клич кликать: не выщется ли кто на такое дело из простых людей?

□ А в то самое время жила-была в одной деревне бедная вдова, и было у неё трое сынов – сильномогучих богатырей; все они родились в одну ночь: старший с вечера, середний в полночь, а меньшей на ранней утренней зоре, и называли их по тому:

Вечорка, Полуночка и Зорька. Как дошёл до них королевский клич, они тотчас взяли у матери благословение, собрались в путь и поехали в столичный град. Приехали к королю, поклонились ему низко и молвили:

– Многолетно здравствуй, государь! Мы пришли к тебе не пир пировать, службу служить; позволь нам поехать, твоих королевен разыскать.

– Исполать^[1] вам, добрые молодцы! Как вас по имени зовут?

– Мы – три брата родные: Зорька, Вечорка и Полуночка.

– Чем же вас на дорогу пожаловать?

– Нам, государь, ничего не надобно; не оставь только нашей матушки, призри её в бедности да в старости.

Король взял старуху, поместил во дворец и велел кормить её и поить со своего стола, одевать-обувать из своих кладовых.

□Отправились добрые молодцы в путь-дорогу; едут месяц, и другой, и третий, и заехали в широкую пустынную степь. За той степью дремучий лес, а у самого лесу стоит избушка; постучались в окошко – нет отзыва, вошли в двери – а в избушке нет никого.

– Ну, братцы, останемся здесь на время, отдохнём с дороги.

Разделись, помолились богу и легли спать. Наутро меньшей брат Зорька говорит старшему брату Вечорке:

– Мы двое на охоту пойдём, а ты оставайся дома да приготовь нам обедать.

Старший брат согласился; возле той избушки был хлевец полон овец; вот он, долго не думая, взял что ни есть лучшего барана, зарезал, вычистил и зажарил к обеду. Приготовил всё как надобно и лёг на лавочку отдохнуть.

□Вдруг застучало, загремело – отворилась дверь и вошёл старичок сам с ноготок, борода с локоток, глянул сердито и закричал на Вечорку:

– Как смел в моём доме хозяйничать, как смел моего барана резать?

Отвечает Вечорка:

– Прежде вырасти, а то тебя от земли не видать! Вот возьму щей ложку да хлеба крошку – все глаза заплесну!

Старичок с ноготок ещё пуще озлобился:

– Я мал, да удал!

Схватил горбушку хлеба и давай его в голову бить, до полусмерти прибил, чуть-чуть живого оставил и бросил под лавку; потом съел жаренного барана и ушёл в лес. Вечорка обвязал голову тряпицею, лежит да охает. Воротились братья, спрашивают:

– Что с тобой подеялось?

– Эх, братцы, затопил я печку, да от великого жару разболелась у меня головушка – весь день как шальной провалялся, не мог ни варить, ни жарить!

□На другой день Зорька с Вечоркою на охоту пошли, а Полуночку дома оставили: пусть-де обед приготовит. Полуночка развёл огонь, выбрал самого жирного барана, зарезал его, поставил в печь; управился и лёг на лавку. Вдруг застучало, загремело – вошёл старичок сам с ноготок, борода с локоток и давай его бить-колотить; чуть-чуть совсем не ухлопал! Съел жареного барана и ушёл в лес. Полуночка завязал платком голову, лежит под лавкою и охает. Воротились братья:

– Что с тобой? – спрашивает Зорька.

– Угорел, братцы! Всю головушку разломило, и обеда вам не

готовил.

□На третий день старшие братья на охоту пошли, а Зорька дома остался; выбрал что ни есть лучшего барана, зарезал, вычистил и зажарил. Управился и лёг на лавочку. Вдруг застучало, загремело – идёт во двор старичок сам с ноготок, борода с локоток, на голове целый стог сена тащит, а в руках большой чан воды несёт; поставил чан с водою, раскидал сено по двору и принялся овец считать. Видит – опять не хватает одного барана, рассердился, побежал в избушку, бросился на Зорьку и крепко ударил его в голову. Зорька вскочил, ухватил старичка за длинную бороду и ну таскать вповолочку во все стороны; таскает да приговаривает:

– Не узнав броду, не суйся в воду!

□Взмолился старичок сам с ноготок, борода с локоток:

– Смилуйся, сильномогучий богатырь! Не предавай меня смерти, отпусти душу на покаяние.

Зорька вытащил его на двор, подвёл к дубовому столбу и в тот столб забил ему бороду большим железным клином; после воротился в избу, сидит да братьев дожидается. Пришли братья с охоты и дивуются, что он цел-невредим. Зорька усмехается и говорит:

– Пойдёмте-ка, братцы, ведь я ваш угар поймал, к столбу привязал.

Выходят на двор, смотрят – старичок с ноготок давно убежал, только половина бороды на столбе мотается; а где он бежал, тут кровь лилась.

□По тому следу добрались братья до глубокого провала. Зорька пошёл в лес, надрал лыков, свил верёвку и велел спустить себя под землю. Вечорка и Полуночка спустили его под землю. Очутился он на том свете, отвязался от цепи и пошёл куда глаза глядят. Шёл-шёл – стоит медный дворец; он во дворец, встречает

его младшая королева – краше цвета алого, белей снегу белого, и ласково спрашивает:

– Как зашёл сюда, добрый молодец, по воле аль по неволе?

– Твой родитель послал вас, королевен, разыскивать.

Она тотчас посадила его за стол, накормила-напоила и даёт ему пузырёк с сильной водою:

– Испей-ка этой водицы, у тебя силы прибавится.

Зорька выпил тот пузырёк и почувал в себе мощь великую.

– Теперь, – думает, – хоть кого осилю!

□ Тут поднялся буйный ветер, королева испугалась:

– Сейчас, – говорит, – мой змей прилетит! – взяла его за руку и схоронила в другой комнате.

Прилетел трёхглавый змей, ударился о сырую землю, обернулся молодцем и закричал:

– А! Русским духом пахнет... кто у тебя в гостях?

– Кому у меня быть? Ты по Руси летал, там русского духу набрался – оттого и здесь тебе чудится.

Змей запросил есть и пить; королева принесла ему разных кушаньев и напитков, а в те напитки подсыпала сонного зелья. Змей наелся-напился, стало его в сон бросать; он заставил королеву искать у себя в головах, лёг к ней на колени и заснул крепким сном. Королева вызвала Зорьку; тот вышел, размахнул мечом и отрубил змею все три головы; потом разложил костёр, сжёг змея поганого и пустил пепел по чистому полю.

– Теперь прощай, королева! Пойду искать твоих сестёр, а как найду – за тобой ворочусь, – сказал Зорька и пошёл в дорогу; шёл-шёл – видит серебряный дворец, в том дворце жила средняя королева. Зорька убил тут шестиглавого змея и пошёл дальше.

Долго ли, коротко ли – добрался он до золотого дворца, в том дворце жила старшая королева; он убил двенадцатиглавого змея и освободил её от заключения. Королева возрадовалась, стала домой собираться, вышла на широкий двор, махнула красным платочком – золотое царство в яичко скаталось; взяла то яичко, положила в карман и пошла с Зорькою-богатырём за своими сестрицами. Те то же самое сделали: скатали свои царства в яички, забрали с собой и отправились к провалу. Вечорка и Полночка вытащили своего брата и трёх королевен на белый свет. Приезжают они все вместе в своё государство; королевны покатали в чистом поле своими яичками – и тотчас явились три царства: медное, серебряное и золотое. Король так обрадовался, что и рассказать нельзя; тотчас же обвенчал Зорьку, Вечорку и Полночку на своих дочерях, а по смерти сделал Зорьку своим наследником.

---

[1] – Исполать – устар. хвала, слава.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Иван Сученко и Белый Полянин

Начинается сказка от сивки, от бурки, от вещи каурки. На море, на океане, на острове на Буяне стоит бык печёный, возле него лук толчёный; и шли три мо́лодца, зашли да позавтракали, а дальше идут – похваляются, сами собой забавляются: были мы, братцы, у такого-то места, наедались пуще, чем деревенская

баба теста! Это присказка, сказка будет впереди.

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь на гладком месте, словно на скатерти, сроду не имел у себя детей. Пришёл до него нищий. Царь его пытается:

– Не знаешь ли ты, что мне такое сделать, чтоб были у меня дети?

Он ему отвечает:

– Собери-ка ты мальчиков да девочек – семилеток, чтоб девочки напняли, а мальчики выплели за одну ночь невод; тем неводом вели изловить в море леща золотопёрого и дай его царице съесть.

□ Вот поймали леща золотопёрого, отдали в кухню изжарить; поварка^[1] вычистила, вымыла леща, кишки собаке бросила, помои отдала трём кобылам выпить, сама оглодала косточки, а рыбу царица скушала. Вот разом родили: царица сына, и поварка сына, и собака сына, а три кобылы ожеребились тремя жеребятами. Царь дал им всем имена: Царенко Иван, Поваренко Иван и Сученко Иван.

□ Растут они, добрые молодцы, не по дням, не по часам, а по минутам, выросли большие, и посылает Иван Сученко Ивана-царевича до царя:

– Поди попроси, чтоб позволил нам царь оседлать тех трёх коней, что кобылы принесли, да поехать по городу погулять-покататься.

Царь позволил; они поседлали коней, выехали за город и начали меж собой говорить:

– Чем нам у батюшки у царя жить, лучше в чужие земли поедем!

Вот они взяли купили железа, сделали себе по булаве – каждая булава в девять пудов, и погнали коней.

□ Немного погодя говорит Иван Сученко:

– Как нам, братцы, будет путь держать, когда нет у нас ни старшего, ни младшего? Надо так сделать, чтоб был у нас старший брат.

Царенко говорит, что меня отец старшим поставил, а Сученко – своё, что надо силу попробовать – по стрелке бросить. Кидают стрелки один за другим; сначала Царенко Иван, за Царенком Поваренко, за Поваренком Сученко. Едут не далеко, не близко – аж лежит Царенкова стрелка, немного подальше того упала Поваренкова стрелка, а Сученковой нигде не видать! Едут всё вперёд да вперёд – и заехали за тридевять земель в тридесятое царство, в иное государство – аж там лежит Сученкова стрелка.

□Тут и порешили: Царенко будет меньшей брат, Поваренко – подстарший, а Сученко – самый наистарший, и пустились опять в путь-дорогу. Смотрят – перед ними степь расстилается, на той степи палатка разбита, у палатки конь стоит, ярую пшеницу ест, медовой сытой запивает. Посылает Иван Сученко Ивана-царевича:

– Пойди узнай: кто в палатке?

Вот Царенко приходит в палатку, а там на кровати Белый Полянин лежит. И ударил его Белый Полянин мизинцем по´лбу – Царенко упал; он взял его да под кровать и бросил. Посылает Сученко Ивана Поваренка; Белый Полянин и этого ударил мизинцем по´лбу и бросил под кровать. Сученко ждал, ждал, не дождался; прибегает туда сам, как ударит Белого Полянина раз – он и глаза под лоб! После вынес его из палатки, свежий ветерок пахнул, Белый Полянин ожил и просит:

– Не убивай меня! Прими за самого меньшого брата!

Иван Сученко его помиловал.

□Вот все четыре брата поседлали своих коней и поехали пущами да рощами; долго ли, коротко ли ехали – стоит перед ними дом в два этажа под золотой крышей. Зашли в этот дом – везде чисто, везде убрано, напитков, наедков вдоволь запасено, а живых людей нет никого; подумали-подумали и положили пока здесь

проживать – дни коротать. Утром три брата на охоту поехали, а Ивана-царевича дома оставили за хозяйством смотреть. Он наварил, нажарил к обеду всякой всячины, сел на лавке да трубку покуривает. Вдруг едет старый дед в ступе, толкачом подпирается, под ним ковета^[2] на семь сажений лита, и просит милостыни. Царенко даёт ему целый хлеб; дед не за хлеб, за него берётся, крючком да в ступу, толк-толк, снял у него со спины полосу до самых плечей, взял поволою^[3] натёр да под пол бросил... Вернулись братья с охоты, спрашивают Царенка:

– Никого у тебя не было?

– Я никого не видал; разве вы кого?

– Нет, и мы не видали!

□На другой день дома остался Иван Поваренко, а те на охоту поехали. Наварил обедать, сел на лавке и курит трубку – аж едет дед в ступе, толкачом подпирается, под ним ковета на семь сажений лита, и просит милостыни. Поваренко даёт ему булку; он не за булку, а за него, крючком да в ступу, толк-толк, снял кожу до самых плечей, поволою натёр да под пол бросил... Вернулись братья с охоты и спрашивают:

– Никого у тебя не было?

– Нет, никого! А вы разве видели?

– Нет, и мы не видали!

□На третий день дома остался Белый Полянин. Наварил обедать, сел на лавке и курит трубку – аж едет дед в ступе, толкачом подпирается, под ним ковета на семь сажений лита, и просит милостыни. Белый Полянин даёт ему булку; он не за булку, а за него, крючком да в ступу, толк-толк, снял кожу до самых плечей, поволою натёр да под пол бросил... Приехали братья с охоты:

– Ты никого не видал?

– Нет, никого; а вы?

– И мы тож!

□На четвёртый день остался дома Иван Сученко. Наварил обедать, сел на лавке и курит трубку – аж опять едет старый дед в ступе, толкачом подпирается, под ним ковета на семь сажений лита, и просит милостыни. Сученко даёт ему булку; он не за булку, а за него, крючком да в ступу – ступа и разбилась. Иван Сученко ухватил деда за́ голову, притащил до вербового пня, расколол пень надвое да всадил дедову бороду в расщелину, а сам – в горницу. Вот едут его братья, меж собой разговаривают.

– Что, братцы, вам ничего не случилось? – спрашивает Царенко.

– А у меня так рубаха совсем к телу присохла!

– Ну, и нам досталось! До спины доторкнуться нельзя. Проклятый дед! Верно, он и Сученку содрал.

Приехали домой:

– А что, Сученко Иван, никого у тебя не было?

– Был один нахаба^[4], так я ему по-своему задал!

– Что ж ты ему сделал?

– Пень расколол да бороду всадил.

– Пойдём посмотрим!

Пришли на деда смотреть, а его и след простыл! Как попал он в тиски, начал биться, рваться и таки выворотил весь пень с корнем и унёс с собой на тот свет; а с того света он приходил до своего дома под золотую крышею.

□Братья пошли по его следам, шли-шли – стоит гора: в той горе ляда^[5]; взяли её отворили, привязали до каната камень и опустили в нору; как достали камнем дно, вытянули его назад и привязали до каната Ивана Сученка. Говорит Сученко:

– Через три дня как встряхну канат – сейчас меня вытягайте!

Вот опустили его на тот свет. Он вспомнил про царевен, что покрали на тот свет три змия:

– Пойду их шукать^[6]!

□Шёл-шёл – стоит двухэтажный дом; вышла оттуда девка.

– Чего, русский человек, коло нашего двора ходишь?

– А ты что за спрос? Дай-ка мне наперёд воды – глаза промыть, накорми меня, напой, да тогда и спрашивай.

Она принесла ему воды, накормила, напоила и повела к царевне.

– Здравствуй, прекрасная царевна!

– Здравствуй, добрый молодец! Чего сюда зашёл?

– За тобою; хочу с твоим мужем воевать.

– Ох, не отымешь ты меня! Мой муж дюже сильный, с шестью головами!

– Я и с одною, да буду воевать, как мне бог поможет!

Царевна его за двери спрятала – аж летит змий.

– Фу, русска кость воня!

– Ты, душечка, на Руси летал, русской кости напахал^[7]! – говорит царевна, подаёт ему ужинать, а сама тяжело вздохнула.

– Чего, голубка, так тяжело вздыхаешь?

– Как мне не вздыхать! Четвёртый год за тобою, не видела ни отца, ни матери. Ну что, если бы кто-нибудь из моих родных да сюда пришёл, что б ты ему сделал?

– Что сделал? Пил да гулял бы с ним.

На те речи выходит из-за дверей Иван Сученко.

– А Сученко! Здравствуй; зачем пришёл: биться или мириться?

– Давай биться! Дми^[8] точок^[9]!

Змий дунул – у него стал чугунный точок с серебряными пругами^[10], а Сученко дунул – у него серебряный с золотыми пругами. Ударил он змия раз и убил до смерти, в пепел перепалил, на ветер перепустил; царевна дала ему кольцо, он взял и пошёл дальше.

□Шёл-шёл – опять двухэтажный дом; вышла ему навстречу девка и спрашивает:

– Чего ты, русский человек, коло нашего двора ходишь?

– А ты что за спрос? Дай наперёд мне воды – глаза промыть, накорми, напои, да тогда и спрашивай!

Вот она принесла ему воды, накормила его, напоила и к царевне проводила.

– Чего ты пришёл? – говорит царевна.

– За тобою; хочу с твоим мужем воевать.

– Куда тебе воевать с моим мужем! Мой муж дже сильный, с девятью головами!

– Я и с одною, да буду с ним воевать, как мне бог поможет!

Царевна спрятала гостя за двери – аж летит змий.

– Фу, как русска кость воня!

– Это ты по Руси летал, русской кости напахал! – говорит царевна, стала подавать ужинать и тяжело вздохнула.

– Чего ты, душечка, вздыхаешь?

– Как мне не вздыхать, когда я ни отца, ни матери не вижу. Что б ты сделал, если бы кто-нибудь из моих родных сюда пришёл?

– Пил да гулял бы с ним.

Иван Сученко выходит из-за дверей.

– А, Сученко! Здравствуй, – говорит змий. – Чего ты пришёл сюда: биться или мириться?

– Станем биться! Дми точок!

Змий дунул – у него стал чугунный точок с серебряными пругами, а Иван Сученко дунул – у него серебряный с золотыми пругами; ударил он змия и убил до смерти, в пепел перепалил, на ветер перепустил. Царевна ему дала кольцо; он взял и пошёл дальше.

□Шёл-шёл – опять такой же дом с двумя этажами. Вышла навстречу девка:

– Чего, русский человек, коло нашего двора ходишь?

– Ты прежде воды дай – глаза промыть, накорми, напои, да тогда и спрашивай!

Она принесла ему воды, накормила, напоила и к царевне проводила.

– Здравствуй, Иван Сученко! Чего ты пришёл?

– За тобою; хочу тебя у змия отнять.

– Куда тебе отнять! Мой муж дюже сильный, с двенадцатью головами!

– Я и с одною, а его повоюю, коли бог поможет!

Входит в горницу, а там двенадцатиглавый змий дрыхнет^[11]: как змий вздохнёт, так весь потолок ходоном^[12] заходит! А его сорокапудовая булава в кутку^[13] стоит. Иван Сученко свою булаву

в куток поставил, а змиеву взял; размахнулся, как ударит змия – пошёл гул по всему двору! С дому крышу сорвало! Убил Иван Сученко двенадцатиглавого змия, в пепел перепалил, на ветер перепустил. Царевна даёт ему кольцо и говорит:

– Будем со мною жить!

А он зовёт её с собою.

– Как же я своё богатство брошу?

Взяла всё своё богатство, в золотое яйцо своротила и отдала Ивану Сученку; он положил то яйцо в карман и вместе с нею пошёл назад до её сестёр. Подстаршая царевна своротила своё богатство в серебряное яйцо, а самая меньшая – в медное, и ему ж отдали.

□Приходят они вчетвером до норы; Иван Сученко привязал меньшую царевну и встряхнул канат.

– Как тебя, – говорит, – вытянут наверх, то покличь: Царенко! Он отзовется: га! А ты скажи: я твоя!

После привязал другую царевну и опять встряхнул канат, чтоб наверх тянули:

– Как тебя вытянут, то покличь: Поваренко! Он отзовется: га! А ты скажи: я твоя!

Стал третью царевну до каната привязывать и говорит ей:

– Как тебя вытянут, ты молчи – моя будешь!

Вытянули эту царевну, она молчит; вот Белый Полянин рассердился и, как стали тянуть Ивана Сученко, взял да и перерезал канат.

□Сученко упал, приподнялся и пошёл до старого деда. Дед его пытается:

– Чего ты пришёл?

– Биться!

Начали воевать; бились-бились, устали и бросились до воды. Дед ошибся, дал Сученку сильной воды напиться, а сам простой выпил. Стал Иван Сученко осиливать; дед ему и говорит:

– Не добивай меня! Возьми себе в погребе кремень, кресало да трёх сортов шерсть – в беде пригодится.

Иван Сученко взял кремень, кресало и трёх сортов шерсть; вырубил огонь и припалил серую шерсть – бежит до него серый конь, из-под копыт шматья^[14] летят, изо рта пар пышет, из ушей дым столбом.

– Много ль нужно времени, пока ты меня на тот свет вынесешь?

– А столько, сколько нужно людям, чтоб обед наварить!

Сученко припалил вороную шерсть – бежит вороной конь, из-под копыт шматья летят, изо рта пар пышет, из ушей дым валит.

– Скоро ль ты меня на тот свет вынесешь?

– Люди пообедать не успеют!

Припалил рыжую шерсть – бежит рыжий конь, из-под копыт шматья летят, изо рта пар пышет, из ушей дым валит.

– Скоро ль ты меня на тот свет вынесешь?

– Плюнуть не успеешь!

Сел на того коня и очутился на своей земле.

□Приходит до золотаря.

– Я, – говорит, – буду твоим помощником!

Меньшая царевна приказывает золотарю:

– Сделай мне к свадьбе золотой перстень!

Он взялся за ту работу, а Иван Сученко говорит:

– Постой, я тебе перстень сделаю, а ты мне мешок орехов дай.

Золотарь принёс ему мешок орехов; Иван Сученко орехи поел, золото молотком разбил, вынул царевнино колечко, вычистил и отдал хозяину. Царевна приходит в субботу за кольцом; глянула:

– Ах, какое прекрасное колечко! Я такое отдала Ивану Сученку, да его нет на этом свете!

И просит золотаря к себе на свадьбу. На другой день золотарь пошёл на свадьбу, а Иван Сученко дома остался, припалил серую шерсть – бежит до него серый конь.

– Чего ты меня требуешь?

– Надо на весильном^[15] доме трубу сорвать!

– Садись на меня, заглянь в левое ухо, выглянь в правое!

Он заглянул в левое ухо, а в правое выглянул – и стал такой молодец, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Поскакал и снял трубу с дома; тут все закричали, перепугались, свадьба разъехалась.

□Другая царевна принесла золото, просит кольцо сделать. Иван Сученко говорит золотарю:

– Дай мне два мешка орехов, я тебе кольцо сделаю.

– Ну что ж? Сделай.

Сученко орехи поел, золото молотком разбил, вынул царевнино кольцо, вычистил и отдал. Царевна увидала кольцо:

– Ах, какое славное! Я точно такое отдала Ивану Сученку, да его теперь нет на этом свете!

Взяла кольцо и зовёт золотаря на свадьбу. Тот пошёл на свадьбу, а Иван Сученко припалил вороную шерсть – бежит

вороной конь.

– Чего ты от меня требуешь?

– Надо сорвать с весильного дома крышу.

– Сядь на меня; в левое ухо заглянь, в правое выглянь!

Он заглянул в левое ухо, выглянул в правое – стал молодец молодцом! Конь понёс его так шибко, что сорвал с дома крышу; все закричали, принялись стрелять в коня, только не попали; свадьба опять разъехалась.

□Вот и старшая царевна просит, чтобы ей колечко сделали.

– Не хотела я, – говорит, – за Белого Полянина замуж идти, да, видно, бог так судил!

Иван Сученко говорит золотарю:

– Дай мне три мешка орехов, я тебе кольцо сделаю.

Опять орехи поел, золото молотком разбил, вынул царевнино кольцо, вычистил и отдал. В субботу приходит царевна за кольцом, глянула:

– Ах, какое славное колечко! Боже мой! Где ты достал этот перстень? Я точно такой отдала тому, кого любила.

И просит золотаря:

– Приходи завтра на свадьбу ко мне!

□На другой день золотарь пошёл на свадьбу, а Иван Сученко дома остался, припалил рыжую шерстину – бежит рыжий конь.

– Чего ты от меня требуешь?

– Неси меня как хочешь, только бы нам вперёд ехать – потолок на весильном доме сорвать, а назад ехать – Белого Полянина за чуб взять!

– Сядь на меня, в левое ухо заглянь, в правое выглянь!

Понёс его рыжий конь шибко-шибко. Туда едучи – Сученко потолок с дома снял, а назад едучи – ухватил Белого Полянина за чуб, поднялся высоко вверх и бросил его наземь: Белый Полянин на кусочки разбился. А Иван Сученко опустился вниз, обнялся, поцеловался с своею невестою; Иван-царевич и Поваренко ему обрадовались; все они обвенчались на прекрасных царевнах и стали жить вместе богато и счастливо.

---

[1] – Стряпуха.

[2] – Ковета – помост в избах, заменяющий кровати.

[3] – Мякина (Ред.).

[4] – Наглый, неприятный гость.

[5] – Поперечная дверь.

[6] – Искать.

[7] – Т. е. русского духу набрался; пахну́ть – веять и за́пах сравни со словами: дунуть и дух.

[8] – Дми – дуй, выдувай (Ред.).

[9] – Ток, видное место.

[10] – Ободок (Ред.).

[11] – Спит.

[12] – Ходенем, ходуном.

[13] – В углу.

[14] – Большие куски грязи, земли.

[15] – Свадебном.

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Иван крестьянский сын и мужичок сам с пёрст, усы на семь вёрст

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь; у этого царя на дворе был столб, а в этом столбе три кольца: одно золотое, другое серебряное, а третье медное. В одну ночь царю привиделся такой сон: будто у золотого кольца был привязан конь – что ни шерстинка, то серебрянка, а во лбу светел месяц. Поутру встал он и приказал клич кликать: кто этот сон рассудит и коня того достанет, за того свою дочь отдам и половину царства в придачу. Собралось на царский клич множество князей, бояр и всяких господ; думали-думали – никто не может сна растолковать, никто не берётся коня достать.

□Наконец доложили царю, что у такого-то нищего старичка есть сын Иван, который может сон растолковать и коня достать. Царь приказал призвать его. Призвали Ивана. Спрашивает его царь:

– Рассудишь ли ты мой сон и достанешь ли коня?

Иван отвечает:

– Расскажи наперёд, что за сон и какой тебе конь надобен?

Царь говорит:

– В прошлой ночи привиделось мне, будто у золотого кольца на моём дворе был привязан конь – что́ ни шерстинка, то серебрянка, а во лбу светел месяц.

– Это не сон, а быль; потому что в прошлую ночь на этом коне приезжал к тебе двенадцатиглавый змей и хотел царевну украсть.

– А можно ли достать этого коня?

Иван отвечает:

– Можно – только тогда, как минет мне пятнадцать лет.

В то время было Ивану только двенадцать годочков; царь взял его во дворец, кормил и поил до пятнадцати.

□Вот как минуло Ивану пятнадцать лет, сказал он царю:

– Давай, государь, мне коня, на котором можно б доехать до того места, где змей находится.

Царь повёл его в конюшни и показал всех своих лошадей; только он не мог ни одной выбрать по своей силе и тяжести: как наложит на которую лошадь свою богатырскую руку, та и упадёт. И сказал он царю:

– Пусти меня в чистое поле поискать себе под силу коня.

Царь его отпустил.

□Иван крестьянский сын три года искал, нигде не мог сыскать. Идет со слезами обратно к царю. Попадается ему навстречу старичок и спрашивает:

– Что ты, парень, плачешь?

Он ему на спрос грубо отвечал, просто-напросто от себя прогнал; старик молвил:

– Смотри, малый, не помяни меня.

Иван немного отошёл от старика, подумал сам с собою: «За что я старика обидел? Стары люди много знают». Воротился, догнал старика, упал ему в ноги и сказал:

– Дедушка, прости меня, со кручины тебя обидел. Я плачу вот о чём: три года ходил я по полю по разным табунам – нигде не мог сыскать по себе коня.

Старик отвечает:

– Поди в такое-то село, там у мужичка на конюшне стоит кобыла, а от той кобылы народился паршивый жеребёнок; ты возьми его и выкорми: он тебе будет под силу.

Иван поклонился старику и пошёл в село.

□Приходит к мужику прямо в конюшню, увидел кобылу с паршивым жеребёнком и наложил на того жеребёнка руку. Жеребёнок нимало не поробил^[1]; он взял его у крестьянина, покормил несколько времени, приехал к царю и рассказал ему, как добыл себе коня. Потом стал сряжаться в гости к змею. Царь спросил:

– Сколько тебе, Иван крестьянский сын, надобно силы?

Отвечает Иван:

– На что мне твоя сила? Я один могу достать; разве только для посылок дай человек шесть.

Дал ему царь шесть человек; вот они собрались и поехали.

□Долго ли, коротко ли они ехали – никому не ведомо; ведомо только то, что приехали они к огненной реке, через реку мост лежит, а кругом реки огромный лес. В том лесу раскинули они

шатёр, достали разных напитков, начали пить, есть, веселиться. Иван крестьянский сын говорит товарищам:

– Давайте, ребята, каждую ночь поочередно караулить: не будет ли кто проезжать через эту реку?

И случилось так: кто ни пойдёт из его товарищей караул держать, всякий напьётся с вечера пьян и ничего не видит.

□Наконец пошёл караулить Иван крестьянский сын; смотрит: в самую полночь едет через реку змей о трёх головах и подаёт голос:

– Нет мне ни спорщика, ни наговорщика; есть разве один спорщик и наговорщик – Иван крестьянский сын, да и того ворон в пузыре костей не заносил!

Иван крестьянский сын из-под моста выскочил:

– Врёшь ты! Я здесь.

– А если здесь, то давай поспорим.

И выехал змей против Ивана на коне, а Иван выступил пеший, размахнулся своей саблей и срубил змею все три головы, а коня себе взял и привязал у шатра.

□На другую ночь Иван крестьянский сын убил шестиглавого змея, на третью ночь девятиглавого и побросал их в огненную реку. А как пошёл караулить на четвертую ночь, то приехал к нему двенадцатиглавый змей и стал говорить гневно:

– Кто таков Иван крестьянский сын? Сейчас выходи ко мне! Зачем побил моих сыновей?

Иван крестьянский сын выступил и сказал:

– Позволь мне наперёд сходить к своему шатру; а после сражаться будем.

– Хорошо, ступай!

Иван побежал к товарищам:

– Ну, ребята, вот вам таз, смотрите в него; когда он полон нальётся крови, приезжайте ко мне.

Воротился и стал против змея, и когда они разошлись и ударились, то Иван с первого раза срубил у змея четыре головы, а сам по колена в землю ушёл; во второй раз разошлись – Иван три головы срубил, а сам по пояс в землю ушёл; в третий раз разошлись – ещё три головы отсёк, сам по грудь ушёл; наконец одну срубил – по шейку ушёл. Тогда только вспомнили про него товарищи, посмотрели в таз и увидели, что кровь через край льётся; прибежали и срубили у змея последнюю голову, а Ивана из земли вытащили. Иван крестьянский сын взял змеиного коня и увёл к шатру.

□Вот прошла ночь, настаёт утро; начали добрые молодцы пить, есть, веселиться. Иван крестьянский сын встал от веселья и сказал своим товарищам:

– Вы, ребята, меня подождите! – а сам оборотился котом, пошёл по мосту через огненную реку, пришёл в тот дом, где змеи жили, и стал дружить с тамошними кошками. А в целом доме осталось в живых только сама змеиха да три её снохи; сидят они в горнице и говорят между собою:

– Как бы нам злодея Ивана крестьянского сына сгубить?

Малая сноха говорит:

– Куда б ни поехал Иван крестьянский сын, сделаю на пути голод, а сама оборочусь яблоней; как он съест яблочко, сейчас разорвёт его!

Средняя сказала:

– А я на пути их сделаю жажду и оборочусь колодцем; пусть попробует выпить!

Старшая сказала:

– А я наведу сон, а сама сделаюсь кроватью; если Иван крестьянский сын ляжет, то сейчас помрёт!

Наконец сама свекровь сказала:

– А я разину пасть свою от земли до неба и всех их пожру!

Иван крестьянский сын выслушал всё, что они говорили, вышел из горницы, оборотился человеком и пришёл к своим товарищам:

– Ну, ребята, сряжайтесь в путь!

□Собрались, поехали в путь, и в первый раз на пути сделался ужасный голод, так что нечего было перекусить; видят они – стоит яблоня; товарищи Ивановы хотели нарвать яблоков, но Иван не велел.

– Это, – говорит, – не яблоня! – и начал её рубить; из яблони кровь пошла.

Во второй раз напала на них жажда; Иван увидел колодец, не велел пить, начал его рубить – из колодца кровь потекла. В третий раз напал на них сон; стоит на дороге кровать, Иван и её изрубил. Подъезжают они к пасти, разинутой от земли до неба; что делать? Вздумали с разлёту через пасть скакать. Никто не мог перескочить; только перескочил один Иван крестьянский сын: вынес его из беды чудесный конь – что ни шерстинка, то серебрянка, а во лбу светел месяц.

□Приехал он к одной реке; у той реки стоит избёнка. Тут попадается ему навстречу мужичок сам с пёрст, усы на семь вёрст и говорит ему:

– Отдай мне коня; а коли не отдашь честью, то насилкой возьму!

Отвечает Иван:

– Отойти от меня, проклятый гад, покудова тебя конём не раздавил!

Мужичок сам с пёрст, усы на семь вёрст сшиб его наземь, сел на

коня и уехал. Входит Иван в избёнку и сильно о коне тужит. В той избёнке лежит на печи безногий-безрукий и говорит Ивану:

– Послушай, добрый мо́лодец – не знаю, как тебя по имени назвать; зачем ты связывался с ним бороться? Я не этакий был богатырь, как ты; да и то он у меня и руки и ноги отъел!

– За что?

– А за то, что я у него на столе хлеб поел!

Иван начал спрашивать, как бы назад коня достать? Говорит ему безногий-безрукий:

– Ступай на такую-то реку, сними перевоз, три года перевозки, ни с кого денег не бери; разве тогда достанешь!

□Иван крестьянский сын поклонился ему, пошёл на́ реку, снял перевоз и целых три года перевозил безденежно. Однажды случилось ему перевозить трёх старичков, они дают ему денег, он не берет.

– Скажи, добрый мо́лодец, почему ты денег не берёшь?

Он отвечает:

– По обещанию.

– По какому?

– У меня ехидный человек коня отбил; так меня добрые люди научили, чтоб я перевоз снял да три года ни с кого денег не брал.

Старички сказали:

– Пожалуй, Иван крестьянский сын, мы готовы тебе услужить – твоего коня достать.

– Помогите, родимые!

Старички были не простые люди: это был Студенец, Обжора и

колдун. Колдун вышел на́ берег, нарисовал на песке лодку и говорит:

– Ну, братцы, видите вы эту лодку?

– Видим!

– Садитесь в неё.

Сели все четверо в эту лодку. Говорит колдун:

– Ну, лёгкая лодочка, сослужи мне службу, как прежде служила.

□Вдруг лодка поднялась по воздуху и мигом, словно стрела, из лука пущенная, привезла их к большой каменной горе. У той горы дом стоит, а в доме живёт сам с пёрст, а усы на семь вёрст. Послали старики Ивана коня спрашивать. Иван начал коня просить; мужичок сам с пёрст, усы на семь вёрст сказал ему:

– Украдь у царя дочь и привези ко мне, тогда отдам коня.

Иван сказал про то своим товарищам, и тотчас они его оставили, а сами к царю отправились. Приезжают; царь узнал, почто они приехали, и приказал слугам баню истопить, докрасна накалить: пусть де задохнутся! После попросил гостей в баню: они поблагодарили и пошли. Колдун велел наперед Студенцу идти. Студенец взошёл в баню и прохладил; вот они вымылись, выпарились и пришли к царю. Царь приказал большой обед подавать; множество всяких яств на стол было подано. Обжора принялся и всё поел. Ночью собрались гости потихоньку, украли царевну, привезли к мужичку сам с пёрст, усы на семь вёрст; царевну ему отдавали, а коня выручали.

□Иван крестьянский сын поклонился старичкам, сел на коня и поехал к царю. Ехал-ехал, остановился в чистом поле отдохнуть, разбил шатёр и лег опочив держать. Проснулся, хватъ – подле него царевна лежит. Он обрадовался, начал её спрашивать:

– Как сюда угодила?

Царевна сказала:

– Я оборотилась булавкой да в твой воротник воткнулась.

В ту ж минуту оборотилась она опять булавкой; Иван крестьянский сын воткнул её в воротник и поехал дальше. Приезжает к царю; царь увидал чудного коня, принимает доброго молодца с честью и рассказывает, как у него дочь украли. Иван говорит:

– Не горюй, государь! Я её назад привёз.

Вышел в другую комнату; царевна оборотилась красной девицей. Иван взял её за руку и привёл к царю. Царь ещё больше возрадовался, взял себе коня, а дочь отдал замуж за Ивана крестьянского сына. Иван и поныне живёт с молодой женою.

---

[1] – Погнулся, поддался (Ред.).

 Загрузка...